

Вопрос к депутатам Национального собрания Франции

В 1933 году мне довелось присутствовать в Палате депутатов Франции в качестве зрителя на одном трагическом заседании. Я услышал речи ораторов, расхваливавших печально знаменитый «пакт четырех», означавший для Франции сотрудничество с гитлеровской Германией. Эта пагубная политика завершилась через несколько лет в Мюнхене капитуляцией французских правых кругов перед Гитлером. Прошло больше двадцати лет. И вот сегодня мне хочется обратиться с вопросом к тем депутатам Национального собрания Франции, которые выступают сейчас за ратификацию парижских соглашений: отдадут ли они себе отчет в том, какую ответственность за будущее своей страны они берут на себя, похваляя планы перенесения Западной Германии?

Это не праздный и не запоздалый вопрос. Французы дезориентированы. Их обманывают, чтобы заставить Францию согласиться на вооружение Западной Германии, согласиться на военный союз с германским милитаризмом.

Женцы прибегают к различным приемам, к разным манерам.

Французы уверяют, что вооружение западногерманских милитаристов будто бы необходимо для того, чтобы противопоставить новый вермахт «советской угрозе» с Востока. Однако сейчас клеветники находятся в весьма трудном положении: мирные устремления СССР, миролюбивый характер всей советской внешней политики и, в частности, советских предложений о коллективной безопасности в Европе ясны очень многим французам.

Французы уверяют, будто бы «гарантии», которые обещаны Франции Англией и Соединенными Штатами, создают надежную преграду для агрессивных устремлений германских милитаристов. Правда, ныне уже нелегко найти такого простака во Франции, который поверил бы в прочность этих «гарантий». Угроза нового, третьего в этом веке, вторжения во Францию со стороны Западной Германии становится вполне реальной. И это понятно: после ратификации парижских соглашений германские последователи Вильгельма II и Гитлера займут руководящее место в так называемом «западноевропейском союзе».

Французы уверяют, что переговоры с Советским Союзом по вопросу о европейской безопасности и о мирном урегулировании германской проблемы будут возможными после ратификации парижских соглашений. Сейчас живность и вздорность этих пропагандистских измышлений полностью доказана.

Однако сторонники парижских соглашений продолжают твердить свое.

Есть и еще одна сторона, или, если можно так выразиться, «струна», на которой они с особенной энергией играют в последнее время. Это старая, затрепанная «лира» о «христианской цивилизации», об общности «западной культуры». Эти-то «непреодолимые ценности» якобы и призваны спастись вместе с Францией западногерманские милитаристы и реваншисты.

Заглянем в последнюю ноту правительства Франции правительству Советского Союза от 29 ноября 1934 года. Там говорится буквально следующее:

«Ассоциация, созданная Западными Нациями, основанная на общей цивилизации и общих традициях, представляет собой гораздо большее, чем простой военный союз. Стремление к созданию тесного союза между западными странами, глубоко укоренившееся в народах, постоянно крепнет и представляет величайшую важность для Европы. Кладя конец старым расприам и создавая новую солидарность, оно послужит делу мира в том районе, в котором в прошлом возникало столько войн».

А несколько раньше, 23 ноября, премьер-министр Франции Г. Мендел-Франс произнес знаменательную фразу:

«Достижение нашего нынешнего близкого сотрудничества с нашими бывшими врагами менее чем через десятилетие после самого ужасного в истории конфликта — это достижение, которым могут гордиться все свободные европейцы».

Вот об этих основах «общей цивилизации», об этих «достижениях» после стольких войн и хотелось бы мне поговорить с французскими депутатами.

Существует цивилизация, подлинная цивилизация всех культурных европейских народов, которой гордятся все человечество. Великий вклад и французского и германского народов в европейскую цивилизацию. Французский народ дал миру Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена, энциклопедистов, Золя и Флобера, Франса и Романа Роллана. Германский народ подарил миру Гете, Гейне, Шпллера, Лессинга. И тот и другой народ могут гордиться светочами науки, искусства, музыки, живописи.

По развее об этой цивилизации пекуются авторы парижских соглашений? В том-то и дело, что народы Франции и Германии не имеют никакого отношения к той «солидарности», к тому «близкому сотрудничеству», о котором возведено в вышеупомянутой ноте и в речи Г. Мендел-Франса. Господин Мендел-Франс и его коллеги желают солидаризироваться не с немецким

народом и не с немецкой культурой, а с немецкой военной, с наследниками «бессоватого эфрейтора» Гитлера, с потомками прусской военной касты, в течение столетий пытавшейся задушить стремление французского народа к свободе, уничтожить права человека и гражданина, провозглашенные еще Французской революцией 1789 года. Именно в то время прусский город Кобленц стал центром подготовки интервенции против революционной Франции. Именно там осели эмигрантский предьявлял ультиматум французскому народу и получил достойный ответ в битве при Вальми, когда французы обратили в бегство наемные прусские и австрийские войска.

Не эти ли события именуются в ноте «старыми расприами»? Но оставим военнацистский век, обратимся к девятнадцатому. Перечитаем рассказы Мопассана и вспоминаем все, что перенес в годы германской оккупации 1870—1871 годов народ Франции. Допустим, это — давнее прошлое (хотя еще не истекло столетие со времени Франко-прусской войны), но по волеизъявлению было свидетелем войны 1914—1918 годов. Мы видели во Франции после войны развалины собора в Реймсе, мы видели в каждом селении памятники, где начертаны имена павших в битве за Францию.

И даек от мысли объять немецкий народ, но все честные люди мира объединяются в этом кровопролитии военную касту, ту самую военщину, которую так ненавидел великий немецкий поэт Генрих Гейне. Перечитаем строфы из «Зимней сказки», вспомним, что увидел поэт на границе Франции, близ Аахена:

Я в этом убогом сонливом гнезде Часок понапалка учило.
И встретил прусских военных, нашел,
Что все осталось, как было...

Смертельно тупой, педантичный народ! Прямо, как прежде, угол
Во всех движениях. И подлая спесь
В недвижимом лице этих пугал.

Мы вспомнили эти стихи, когда через два года после того, как Гитлер провозгласил «третий рейх», в Берлине, на Уатерден Линден, я увидел парад ассовцев.

А теперь именно с этими господами, которые еще так недавно носили кокарду со свастикой, которые сжигали заживо детей, женщин и стариков в Ораудре, стремятся к «близкому сотрудничеству» господа новые мяхонцы, именно у них они ищут основы для «общей» цивилизации.

Как же представляют себе цивилизаторы нового «рейха» будущее?

Нацистский генерал, бывший военный губернатор оккупированной Северной Франции и Бельгии фон Франкенхаузен предлагает разговаривать с Францией «владельным языком, принимая энергичные меры», «самые решительные меры» для «обезвреживания» французского народа. Что нацисты понимают под «обезвреживанием», мы в нашей стране хорошо помим, помнит и народ Франции.

«Через два года мы будем говорить с вами другим тоном», — самоохотливо сообщает депутат боннского бундестага Фриденбург.

«Германские расы должны объединиться, так как только они располагают этой потрясающей биологической мощью, необходимой для осуществления военного, технического, экономического и идейного руководства миром» — пишет западногерманский журнал «Нейес цейтальтер».

«Буршенфлихте блеттер» в статье советует молодому поколению Германии «не забывать о том, что Льеж, Верден, Женева, Антверпен, Камбрэ, Туль, Верден, Женева, Брюксель, Люцерн, Марсель и Лион в свое время входили в рейх».

«Все осталось, как было», — именно так и писал великий немецкий поэт. И с этими тупицами и кровопийцами хлопчут о «близком сотрудничестве» слепые или умыленно закрывающие глаза люди, стоящие у власти во Франции.

Те, кто старается оправдать союз французских монополистов с нацистами, с Аденауром, с наследникам гитлеровского рейха «общностью западных культур», кощунствуют потому, что между цивилизацией, культурой, родством культур и парижскими и лондонскими соглашениями лежит пропасть. Мы любим, почитаем и знаем культуру Франции, Англии, Германии, — она принадлежит всей Европе, всему миру. Адвокатам нацизма и той Германии, о которой мечтает генерал Франкенхаузен, лучше помолчать об общности западной культуры.

Нет ничего общего между истинной цивилизацией, культурой французского и немецкого народов и палачами Ораудра, Лидице, Освенцима, которые ничему не научились. Восторгенные излияния депутатов и министров нуждаются в серьезных поправках. Они говорят о союзе с «бывшими врагами», об эре благоденствия, которую якобы принесет этот союз Европе. А на деле заключают союз с настоящими, и притом злейшими, врагами Франции, которые на протяжении многих десятилетий лет стремятся развить своих соедет. Что могут ответить на эти мысли, тревожащие сегодня всех честных европейцев, те депутаты французского Национального собрания, которые собираются голосовать за ратификацию парижских соглашений?

Лев НИКУЛИН

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 152 (3336)

Воскресенье, 19 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера в Колонном зале Дома союзов

На утреннем заседании 18 декабря председательствовал М. Ибрагимов.

Первым в прениях выступил В. Каверин. В центре его речи — вопросы повышения мастерства писателей. В. Каверин напоминает заветы Горького и Маяковского — трудиться упорно и ежедневно. У нас, говорит оратор, еще очень редко выходят книги «ненаписанные», к которым не было приложено достаточного труда. Они занимают место на книжных полках, но не занимают места в сердце читателей. В различных обсуждениях, которые происходят в Союзе писателей, считает В. Каверин, слишком малое место занимают проблемы профессионального мастерства, писательской техники, творческие размышления о том, как работать над книгами. Настоящая литература начинается там, где происходит открытие — открытие не только для читателя, но и для писателя. В заключение В. Каверин говорит о необходимости повысить уровень работы журналиста и издателя, повысить чувство творческой самостоятельности и ответственности редакторов.

Молдавская советская литература, сказал А. Луан, — живое воплощение тесной дружбы, которые укоренились в течение веков между молдавскими, русскими, украинскими и румынскими народами. А. Луан критикует доклад и содоклады за то, что в них не были рассмотрены явления молдавской литературы, и считает, что в этом отражается низкий уровень работы комиссии Союза писателей по литературе народов СССР. Далее А. Луан говорит о повышении роли критики, необходимости более глубоко разрабатывать проблемы теории литературы, прежде всего проблему типического, которая до сих пор во многих критических статьях толкуется весьма условно. Оратор подчеркивает, что только труд, огромный, напряженный, упорный труд, подобный подвигу, приносит настоящий успех в литературе.

П. Бровка рассказывает о том, как осуществилась в нашей действительности самая смелая мечта начинающей белорусской литературы. Охарактеризовав серьезные достижения художественной литературы Белоруссии в различных жанрах, он подчеркивает, как много еще предстоит сделать для повышения мастерства писателей.

«Посмотрим на то», — говорит он, — как далеко ушла вперед наша жизнь, как вырос советский человек, и на то, что сделано нами, и понимаешь, что мы еще в очень большом долгу перед своим народом.

П. Бровка указывает, что укрепляя Союз советских писателей, добиваясь улучшения его работы, нужно стремиться быть в курсе творческих интересов и замыслов каждого писателя, не довольствуясь регистрацией уже вышедших книг.

Нам необходимо творческие дискуссии, ибо без них затухает рост литературы, но эти дискуссии, обсуждения, споры должны быть по-настоящему творческими, а не мелкими спорами и раздорами, разобщающими семью советских литераторов.

Советская литература, заключает оратор, находится на новом, светлом рубеже. Сделаем же все, чтобы быть достойными великого доверия народа!

На трибуне председатель Союза польских писателей, лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Леон Кручковский. Делегаты и гости встречают его горячими аплодисментами. Речь Леона Кручковского, выслушавшая присутствующих с большим вниманием, публикуется в сегодняшнем номере «Литературной газеты».

А. Прокофьев выражает большое удовлетворение ленинградских писателей тем, что в Ленинграде создается новый литературно-художественный журнал «Новая». Это решение, говорит А. Прокофьев, свидетельствует о достижениях ленинградских писателей, о том, что они сделали правильные выводы из постановлений Центрального Комитета Коммунистической партии по идеологическим вопросам.

Встречи с гостями и делегатами съезда

Вчера в Доме культуры Московского университета состоялась встреча студентов с гостями Второго съезда писателей Павлом Нерудой (Чили), Жоржи Амаду (Бразилия) и Николаем Гильеном (Куба). Их приветствовали профессор Р. Самарин, студенты Д. Уриов, И. Тертерян. Преподаватель К. Цуринов рассказал собравшимся о творчестве гостей.

На встрече выступили тепло встреченные студентами Ж. Амаду, П. Неруда и Н. Гильен.

В Государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина побывали гости Второго съезда — иностранные писатели Дмитрий Шутерки (Албания), Михай Бенюк (Румыния), Нгуэн Дин Тхи (Вьетнам), а также делегаты съезда — Э. Межелайтис,

Новый журнал, несомненно, плодотворно повлияет на жизнь нашей писательской организации. Он побудит лучше работать редакторов нашего старейшего журнала «Звезда». Обе редакции будут соревноваться, и работа пойдет веселее.

Высказывания читателей, которые передали нам во время подготовки к съезду ленинградские библиотеки, показывают, что, говоря словами поэта, понимание стихов у нас выше доведенной нормы, замечает А. Прокофьев. Далее он говорит, как о большом недостатке поэтической критики, что она занимается зачастую лишь творчеством небольшой «обоймы» так называемых ведущих поэтов.

А. Прокофьев выражает пожелания ленинградских писателей о восстановлении в Ленинграде журнала для детей и отделения издательства «Молодая гвардия».

Затем с докладом о советской драматургии выступил А. Корнейчук.

В этот день среди гостей съезда можно было увидеть многих деятелей театра и кино, которые пришли послушать содоклады А. Корнейчука и С. Герасимова. Мастера искусства, творческая судьба которых тесно связана с развитием советской драматургии, не могут остаться равнодушными к обсуждению проблем дальнейшего ее развития. Внимательно слушали ораторов М. Астангов, С. Бондарчук, Е. Гоголева, Т. Макарова, М. Штраух и многие другие советские актеры.

Во время перерыва делегаты съезда и гости с интересом осматривали выставку, расположенную в одном из залов фойе. Выставка эта иллюстрирует разговор о произведениях советских драматургов фотографиями сцен из спектаклей, афишами пьес, поставленных за рубежом.

«Баня» В. Маяковского в Чехословакии, спектакль «Как закалялась сталь» по роману И. Островского на сцене китайского театра «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева в Театре Чехословацкой Армии, «Так и будет» К. Симонова в Англии, «Линия роца» А. Корнейчука в Германской Демократической Республике, «Шторм» В. Билья-Белоцерковского в Польше — материалы об этих и о многих других советских пьесах, идущих за границей, показывают, в какой огромной аудитории звучит в наши дни слово советских драматургов.

Перерыв между утренним и вечерним заседаниями продолжается долго, около четырех часов. Но жизнь в фойе и залах Дома союзов не прекращается. Работают секретариат съезда, комиссии, готовятся к съезду кинооператоры.

Вот в одном из залов они снимают делегацию румынских писателей. Под слепящим светом «кошптеров» гости несколько смущены, скованы, но кинооператоры не торопятся — пусть они привыкнут, забудут о напеленных на них объективах, разговаривают... Михаил Саловяну, стоящий в середине группы, увидел в фойе одного из своих русских друзей, улыбнулся, что-то сказал ему, переглянулись, заулыбались остальные румыны, группа пришла в движение, а кинооператоры уже торопятся заснять еще один эпизод, чтобы зрители в самых дальних уголках Советской страны могли увидеть, как проходил Второй всесоюзный съезд писателей.

На сцене начала выходить сатирическая стенгазета «Взгляд на лица». У большого экрана, на котором вывешивались анимации, пародии, фельетоны, карикатуры, отражающие ход прений, всегда оживленно. Группа писателей со смехом перечитывает четверостишие:

Общественных обязанностей груз
Сочтя за канительную обузу,
Не спрашивай, что дал тебе союзу,
А выясни, что сам ты дал союзу.

В одном из нижних вестибюлей работает почта, телеграф, междугородный телефон.

Литераторы отправляют бандероли, письма, книжные послышки. На почтовых отправленных штамп — «Второй съезд советских писателей».

В шесть часов вечера, по окончании перерыва, Колонный зал Дома союзов вновь заполняется. Председательствующий на вечернем заседании И. Абашидзе представляет слово С. Герасимову для содоклада «Советская кинодраматургия». (Содоклад будет опубликован в следующем номере «Литературной газеты».)

На трибуне старейший советский писатель Ф. Гладков.

Зал встречает его аплодисментами.

— Я дерзая привычка себя к писателем злюбодневным и молодым. Не хочу стареть... — говорит он, и аудитория, зная, как неутомимо трудится писатель, горячо приветствует эти слова.

С большим интересом слушает съезд то, что говорит Ф. Гладков об упорной работе литератора над словом, об извечном крупном злато из словесной руды, об опыте Горького...

Народный артист СССР Н. Черкасов, обрадовавшись к съезду от имени мастеров кино и театра, начал свою речь словами, которые написаны живой отзывом в аудитории.

— Дорогие товарищи по оружию! Миллионы зрителей каждый вечер заполняют театральные залы во всех концах нашей Родины. Они хотят видеть на сцене воплощение событий и образов, рожденных нашей действительностью. Но часто репертуар театра вызывает в них острое чувство неудовлетворенности. Это ярче всего ощущают актеры, которые лицом к лицу встречаются с теми, для которых создается наше искусство. Именно мы улавливаем холодок отчуждения, который возникает в зале, когда образы не удовлетворяют зрителей.

Н. Черкасов призвал к творческому контакту драматургов, театров и театральных критиков, к смелому расширению репертуара, к яркому новаторству, без которого не может существовать театральное искусство.

Приветствия, полученные съездом писателей, зачитывает В. Смирнов. Это — письма и телеграммы от коллективов читателей, от рабочих, колхозников, геологов и моряков, студентов и школьников, военнослужащих, поларников. Съезду желают успехов в работе железнодорожники Златоуста, члены горловского литобъединения «Кочегарка», экипаж теплохода «Ленинградец», находящегося в дальнем плавании, пионеры Армавирской школы № 20, коллектив Камского бумажного комбината и многие другие читатели. Горными аплодисментами встречает зал радиопрограммы с Северного полюса — от коллективов дрейфующих научных станций «СП-3» и «СП-4». Отважные поларники, как и все советские люди, внимательно следят за работой съезда. Все эти приветствия, лишь малую часть которых можно было огласить на заседании, показывают, что литературное дело стало в Советском Союзе делом всенародным.

Выступает Н. Рыбак. Он посвящает свою речь вопросам советского исторического романа.

Теплыми, дружескими аплодисментами встречи приветствуют известную немецкую писательницу, лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Анну Зегере.

Анна Зегере характеризует достижения литературы Германской Демократической Республики и говорит о ее задачах, о ней бывшей ответственности писателя, которая связана с новой огромной читательской аудиторией.

Присутствие на этом съезде, говорит в заключение Анна Зегере, поможет нам внести свой вклад в великую борьбу жизни против смерти, будущего против отжившего.

Сегодня съезд продолжает свою работу.

У К А З
Президиума Верховного Совета РСФСР

О проведении выборов в Верховный Совет РСФСР и в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР

В связи с истечением 18 февраля 1955 года полномочий Верховного Совета РСФСР третьего созыва и 22 февраля 1955 года — полномочий краевых, областных, окружных, районных, городских, сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся РСФСР четвертого созыва Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

Назначить выборы в Верховный Совет РСФСР и в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР на воскресенье 27 февраля 1955 года.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
М. ТАРАСОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
И. ЗИМИН

МОСКВА, 18 декабря 1954 года.

НЕУСТАННО ИСКАТЬ!

В Советском Узбекистане, как и во всей стране, происходили и происходят великие, поистине удивительные и по значению и по темпам перемены. А главное — выросли новые люди, появились узбекский рабочий класс, по-новому, по-социалистически стало думать и работать крестьянство, несчерпано, с каждым днем учащаются условия жизни наших людей, изменяются их культура, их запросы.

Новая жизнь требует и рождает новую литературу. Литературные формы и приемы, удовлетворявшие эстетические запросы народа в прошлом, оказываются не всегда пригодным инструментом для правдивого, полноценного отображения социалистической действительности.

Новое содержание жизни породило в узбекской литературе большие прозаические полотна: глубоко изучая русскую литературу, узбекские писатели овладели новым для узбекской литературы жанром романа. Самоотверженные труженики колхозных полей — герои романов «Ветер Золотой долины» Айбека и «Огни Кошчи-пара» А. Каххара. В романе П. Турсуна «Учитель» создан запоминающийся образ Халмурата, активного борца, человека, воспитанного всем ходом нашей жизни. Таких героев не знали и не могли знать узбекские писатели прошлого.

Творческое освоение богатого опыта Горького и Чехова помогло нам утвердить и успешно развить жанр рассказа и многие жанры драматургии, базирующиеся на опыте великого русского писателя, начало которой положил еще в 1918 году незабвенный Хамза Хаким-заде Ниязи своей драмой «Бай и батрак».

По-новому зазвучала узбекская поэзия. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Твардовский помогли нашим поэтам, не теряя ничего из лучших образно-выразительных богатств восточной поэмы-легенды, создать новую форму — реалистическую поэму, в основе которой лежат факты реальной жизни. Хотелось упомянуть в этой связи «Слезы Роксане» С. Алимджана, «Уста Гиса» Мирмухмина.

В нашей лирике, в лучших стихах Г. Гулама, С. Алимджана, Уйгуна, Зулфи, С. Джурри, К. Мухаммади и других поэтов ценно органическое, неразрывное сплетение личного и общественного, ценна их открытая и яркая гражданственность.

Конечно, и в поэзии, и в прозе, и в драматургии предстоит нам еще много работать, преодолевать абстрактный риторизм и механическое подражание старым формам.

А главное, что нам нужно, — это искания, неустанное стремление выразить каждую тему в той форме, которая способна воплотить ее наиболее полно и глубоко. Эти поиски наглядно можно проследить в творчестве Айбека. Как не похож его роман «Навои» с характерным для этого произведения строгим неторопливым повествованием, прерываемым пространными диалогами героев, на другой роман — «Ветер Золотой долины!» Разные герои, разные идейные проблемы — и по-разному построенная композиция, своя специфическая манера.

Жизнь изо дня в день обогащает литературу новыми темами, подсказывает новые замыслы, новые приемы, новые формы, делает явнее и радостнее голос нашей литературы.

На Втором всесоюзном съезде узбекские писатели пришли, овладев большим творческим опытом, пришли, как окрепший боевой отряд единой и многонациональной нашей литературы.

Шараф РАШИДОВ

Приезд иностранных гостей

В Москву для участия в работе Второго съезда писателей в качестве гостей прибыли Хуан Рехано (Испания), А. Лундквист и М. Вине (Швеция), Акбар Нафис Сид Али (Иран), Жорж Ханна (Ливан), В. Тойфельбойм (Чили).

НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Ман. 2. Детские писатели Сергей Михалков, Агния Барто, Александр Демократическая Республика), Маргарита Алигер, Евгений Долматовский, Лев

На снимках слева направо: 1. Народный поэт Чувашии Петр Хузангай (в центре) беседует с китаянкой писательницей Дин Лин; слева переводчик Гао-Юнона и Лев Кассиль среди пионеров, приветствующих съезд. 3. Дашченко Энгэ (Монгольская Народная Республика), А. Лундквист и М. Вине (Швеция), Акбар Нафис Сид Али (Иран), Жорж Ханна (Ливан), В. Тойфельбойм (Чили).

Слева переводчик Гао-Юнона и Лев Кассиль среди пионеров, приветствующих съезд. 3. Дашченко Энгэ (Монгольская Народная Республика), А. Лундквист и М. Вине (Швеция), Акбар Нафис Сид Али (Иран), Жорж Ханна (Ливан), В. Тойфельбойм (Чили).

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь В. ЛАЦИСА ЛАТВИЯ

Два десятилетия тому назад, когда в этом зале состоялся Первый всесоюзный съезд советских писателей, латышская литература была насильственно оторвана от своей духовной матери — великой литературы великого русского народа, но лучшие латышские писатели никогда не изменили своим сыновним чувствам.

И вот сегодня мы вместе со всеми советскими писателями присутствуем на таком замечательном торжестве социалистической культуры, как наш съезд.

Нам есть на что оглянуться, есть что показать всему миру. Рожденная бурей Великой Октябрьской социалистической революции, закаленная в годы гражданской войны, социалистического строительства, Великой Отечественной войны, послевоенного строительства коммунизма, — советская литература по праву вышла в боевой авангард мировой прогрессивной художественной литературы.

Эта не значит, разумеется, что у нашей литературы нет недостатков, — их немало, но то, что уже достигнуто нами, дает право — при всей нашей советской скромности в оценке собственных достижений — считать: мы богаты!

Тем же немногочисленным скептикам, которые в нашей среде и зловонным недоброжелателям за рубежом, кто пытается принизить наши достижения и клеветнически опорочить то, что создано творческим гением многонационального советского народа, мы скажем: верте, господа!

Не напоминают ли господу клеветники за границы того не бешеного ума персонажа латышской народной сказки, который вознамерился стать кузнецом и до того ретиво принялся за дело, что из куса железа, принесенного в его кузницу крестьянином, чтобы выковать лемеха, сначала умудрился выковать лишь топор, топор лез, а затем шило.

Кут-кут повоявленный горе-кузнец крестьянское железо, повествуя эта ведь сказка, глядя — железа-то почти совсем уж не осталось.

Слышь, хозяин, — говорит он мужику, — шило тоже не выходит, стану ковать шпик.

Взял то, что еще осталось, нагрел добела и бросил в воду.

Шпик, — зашипел маленький кусочек железа в воде, — ну вот, шпик и готов...

Вот глубоко чужды купеческо-охотничьи нравы некоторых литераторов, чей талант обратно пропорционален шуму, поднимаемому вокруг их имен.

Однако неизмеримо опаснее пережитки буржуазных литературных нравов, свойственные тем литераторам, которые не нарушают внешне ни одной библиейской заповеди — не крадут литературного добра ближнего своего, не берут в рот хмельного, — и тем не менее являются носителями самых отвратительных нравов буржуазной литературной среды с ее гиперинфляционным славолобием, злобной конкуренцией, яростным недоброжелательством, мелкой завистью, наконец, мелкобуржуазным литературно-групповым «вождизмом».

Меткую характеристику именно таких пережитков капитализма в писательской среде дал их непримиримый враг — Алексей Максимович Горький:

«Нравы у нас — мягко говоря — плохие. Плоховатость их объясняется прежде всего тем, что все еще не изжиты настроения групповые, что литераторы делаются на «наших» и «не наших», а это создает людей, которые, сообразно дрянным выгодам своим, служат и «нашим» и «вашим». Группочки создаются не по признакам «партийности» — «внепартийности», не по силе необходимости «творческих» разностей, а из нецелесообразного стремления честолюбцев играть роль «вождей». «Вождизм» — это болезнь; развиваясь из аффекта эмоций коллективизма, она выражается в гипертрофии индивидуального начала». В то время, когда «единоличное» быстро изживается в деревне, — оно все более заметно в среде литераторов. Это явление следует объяснить не только тем, что в среде литераторов, — как на «отхожих» фабриках, физически более легких сравнительно с работой на фабрике, устанка, входит закоренелый в зоологическом индивидуализме деревенский житель, это объясняется еще и тем, что, наскоро освоив лексикон Ленина — Сталина, можно ловко командовать внутренне големыми субъектами, беспринципность коих позволяет им «бесзавестно», т. е. бесстыдно, служить сегодня — «нашим», завтра — «вашим».

Это написано Горьким летом 1934 года. Много, очень много изменилось с тех пор и в стране и в литературе, но рецидивы закоренелых Горьким литературных нравов остались, и быть может, некоторые из последних носителей их невольно узнают себя в мастерски нарисованном Горьким литературно-политическом портрете.

Пожалеем же, чтобы одним из результатов нашего съезда было полное очищение литературных нравов от всех и всяческих пережитков капитализма — лицемерного, ханжеского отчаяния от своих мнений, оценочных, творческих позиций; буржуазного национализма и великодержавного шовинизма; «вождизма» и групповщины; словом, от всего того, что мешает нормальной творческой работе.

Жизнь, о которой мы повествуем, обогатил нас ежедневно и ежечасно. И с созданием приходится отметить, что многие наши писатели, большие доброты производящие традиционный текст «за тех, кто в море», так мало и так скупо пишут о тех, кто в море, да и не столько в море, а на земле, — скажем, целинной, — и по землям — например, в наших шахтах, — о людях труда, скромных в своем величии и великих в своей скромности.

И хочу закончить свое выступление призывом к писательской молодежи: Смелее идите к жизни, наши дорогие молодые друзья! Помните, что писатель-реалист, как бы он ни был одарен от природы, никогда не вырастет в настоящего художника без большого и непосредственного жизненного и трудового опыта. Учитесь у жизни, пишете правду о жизни и вы вместе со старшим поколением советских писателей, в единой братской многонациональной семье создадите произведения, достойные великой эпохи строительства коммунизма. (Аплодисменты).

Хочется сказать и о поэте, которого я считаю наиболее талантливым из всех недавно вошедших в строй детской литературы. Речь идет о Юрии Яковлеве, который написал хорошую поэму «Подарок» — о пионере, выращенном в Москве цветок из Гори, родины Сталина, и принесшем этот цветок в Кремль. Яковлев написал эту ставшую популярной поэму о маленьком Андрее. Можно упрекнуть молодого поэта в том, что он, очень мобильный, всегда полный новых тем, замыслов, жаждя до наблюдений, иной раз спешит к работе. Тут, может быть, его надо приоткрывать, но он должен быть упомянут на нашем съезде.

Следует напомнить о фундаментальной работе, о «Старой крепости» В. Белаяна, которая заняла прочное место в золотом фонде нашей детской литературы.

Хотелось бы сегодня упомянуть также об интересных книжках кубышевца В. Банькина «Весной в половецкой», архангельца Е. Коковина «Детство в Соломбале», талантливого рассказчика-новелиста М. Коршунова. Пришел в детскую литературу журналист Ю. Корольков, написавший документальную книжку о маленьком партизане, Герое Советского Союза Лене Голиконе.

Хочется сказать об Анатолии Александре, Несмотря на молодость, он имеет сложную литературную судьбу. После первой книги «Гридень один день» его переждали, а затем отчаянно переругали. Но он не растерялся и мужественно переписал свою книжку, которая и без того пользовалась доброй славой у наших и зарубежных ребят.

Есть у молодых один общий недостаток. Порепутанные неправильно ведущими разговорами о формализме, они не заботятся о форме, без которой настоящее мастерство и искусство невозможны. Они не мучаются над ней, не боятся за технологичность творчества, а без этой муки не растет мастер. И в этом виноваты мы, более старшие, мы не помогаем им разобраться в вопросах формы.

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Хочется сказать об Анатолии Александре, Несмотря на молодость, он имеет сложную литературную судьбу. После первой книги «Гридень один день» его переждали, а затем отчаянно переругали. Но он не растерялся и мужественно переписал свою книжку, которая и без того пользовалась доброй славой у наших и зарубежных ребят.

Есть у молодых один общий недостаток. Порепутанные неправильно ведущими разговорами о формализме, они не заботятся о форме, без которой настоящее мастерство и искусство невозможны. Они не мучаются над ней, не боятся за технологичность творчества, а без этой муки не растет мастер. И в этом виноваты мы, более старшие, мы не помогаем им разобраться в вопросах формы.

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Мне кажется, что в жизни каждого зрелого писателя наступает такая пора, когда должна возникнуть естественная потребность работы с молодыми, тяга к редакторской работе. Подобно тому, как обычно у мастера-актера возникает желание стать режиссером, либо опытный журналист, творчество уже не может вытесниться в те поля, которые ты играешь, как не вытесняется он и в твоих только книгах. (Аплодисменты).

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Товарищи, мы даем родной партии сегодня крепкое слово, что на призывы Центрального Комитета откликнется созданием таких произведений, которые еще больше укрепят духовную мощь советского народа и дело мира во всем мире! (Аплодисменты).

Речь Микола БАЖАНА УКРАИНА

Сила литературы социалистического реализма — в ее глубоких связях с жизнью, с народом, в том, что она всегда основывалась на ленинском принципе партийности литературы.

История украинской советской литературы — это история ее развития как литературы нового типа, литературы социалистического реализма. Опираясь на славные национальные традиции, традиции Шевченко и Франка, Коцюбинского и Леси Украинки, братски объединяя их с традициями Пушкина и Гоголя, Чернышевского и Толстого, Горького и Маяковского, украинская советская литература развивает свои начала правдивости и народности, повседневно и заботливо руководимая Коммунистической партией.

Основы социалистического реализма, на которых зиждется все творческие успехи нашей литературы, утверждались и укреплялись в острой, непримиримой борьбе против всяких вражеских попыток расшатать, отвлечь советскую литературу от животворного принципа ее развития — от ленинского принципа партийности в литературе.

Подобные попытки особенно яростно и упорно проявились на Украине со стороны националистических негодяев, пронырливших было и в область литературы.

Украинская советская литература выросла и укрепилась в борьбе против национализма, космополитизма и иных форм вражеской буржуазной идеологии. Воспитанное в этой борьбе чувство бдительности и непримиримости не должно ослабевать и впрямь.

Сколько было всяческих попыток помешать росту литературы социалистического реализма! Казалось бы, чего о них вспоминать? Но это не так. Некоторые факты литературной жизни даже последних лет говорят о том, что попытки возродить давно уже разоблаченные, чуждые литературе социалистического реализма взгляды возможны и сейчас. Таким фактом, например, является появление на страницах «Нового мира» ряда статей, направленных против основ социалистического реализма, статей, повторяющих старые «теории» внесоциальной трактовки творческих процессов.

Правильно сделала писательская общественность, резко осудив эти взгляды, особенно вредные для советской литературы именно сейчас, когда перед нашей литературой стоит задача еще более глубокого овладения искусством чествоведения, задача социализации правдивых и положительных образов передовых людей — строительство коммунизма, образов, которые являются бы действительной, вдохновляющей силой для миллионов и миллионов читателей.

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Товарищи, мы даем родной партии сегодня крепкое слово, что на призывы Центрального Комитета откликнется созданием таких произведений, которые еще больше укрепят духовную мощь советского народа и дело мира во всем мире! (Аплодисменты).

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Хочется, чтобы у нас в Союзе писателей было больше инициативы, больше «живности в деле», как говорил Бажов. Мы, писатели-сибиряки, редко, крайне редко видим у себя писателей Москвы и Ленинграда. Если они появляются у нас, то непременно в составе бригад по проведению творческих конференций и собраний. А мы ждем к нам в Сибирь поэтов, романистов, драматургов, очеркистов, критиков с творческими целями. И мы будем рады, если в селах и городах новоселов мы увидим дома писателей-новоселов.

Речь А. КАСИЯ МОСКВА

С трибуны съезда разговор о литературе для детей ведется по большому общему литературному счету. Только так и можно сегодня решать все основные вопросы, связанные с работой литератора, пишущего для молодого поколения нашего народа.

Еще порой приходится слышать от так называемых взрослых писателей, которых вдруг потянет к ребятам (что, на мой взгляд, является тенденцией чрезвычайной злобой), такие тирады: «С удовольствием написал бы что-нибудь, да боюсь, скажут — антипедагогично... не знаю я всяких этих ваших специфических требований».

Что значит: антипедагогично? Педагогика литературного произведения заключается просто-напросто в художественной убедительности всех элементов и образов, служащих для убеждения читателей в правоте писателя и его идеи. А антипедагогично то, что идет во вред этой идее, разрушает внутренний замысел автора, не оказывает нужного воздействия на читателя. Специфика же детской книги — это учет возрастных возможностей, понимания читателя и в соответствии с этим расчетливый выбор художественных средств.

На мой взгляд, все основное этим исчерпывается. А остальные назойливые разговоры о специфичности педагогичности художественной книги идут от лукавого, вернее, от того унылого, худосочного беса, который своей назидательной докладкой так самим чертам остертел, что они его, лишь бы как-нибудь избавиться, произвели в праведники и сбавляли к нам, грешным, в критику детской литературы.

Речь Г. МАРКОВА ИРКУТСК

Двадцать лет тому назад в заключительной речи на Первом всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький говорил: «Нам необходимо обратить внимание на литературу областей, особенно Восточной и Западной Сибири, вовлечь ее в круг нашего внимания, печатать в журналах центра, учитывать ее значение как организатора культуры».

За минувшие двадцатилетия на периферии страны и, в частности, у нас в Сибири проделана большая работа в этом направлении. В крупных экономических и культурных центрах Сибири — Новосибирске, Красноярске, Барнауле, Иркутске — существуют отделения Союза советских писателей, объединяющие многих опытных писателей и талантливых молодых.

Но дело, разумеется, не только в том, что численно возросли писательские кадры на такой огромной территории, какой является Сибирь. Самое примечательное состоит в другом: неизмеримо вырос уровень всей литературной жизни у нас в Сибири, поднялось идейно-художественное качество творческой работы писателей, что является еще одним свидетельством изумительного роста советской литературы в целом. Писатели-сибиряки создали ряд произведений, которые положили многомилионному всевозможному читателю, вышли за пределы нашей Родины и с большим интересом встречены читателями стран народной демократии.

Ряд произведений таких писателей-сибиряков, как А. Колтелов, С. Сартаков,

Речь Г. МАРКОВА ИРКУТСК

Б. Селых, П. Майярский, А. Смердов, И. Молчанов-Сибирский, И. Мухачев, Г. Кунгуров, Е. Ступар, С. Зангилин, Н. Луговской, С. Кожеников, И. Рождественский, Ю. Левитанский, Ф. Таурин, и многих других вошли в общий фонд нашей всевозможной литературы.

Общественная долготелая плодотворная деятельность старейшего в стране литературно-художественного журнала «Сибирские огни», выдвинувшего в советскую литературу десятки талантливых писателей. Сыграли свою положительную роль в деле воспитания молодых писателей и альманахи, хотя их существование сопровождается значительными трудностями.

В последнее время Союз советских писателей провел ряд крупных творческих конференций писателей краев и областей. По правлению Союза писателей не сдается всех выводов из тех справедливых предложений, которые были высказаны на этих конференциях, а также на отчетно-выборных предсъездовских собраниях.

Одним из таких научных вопросов является восстановление существовавших ранее литературно-художественных межобластных журналов в Ростове-на-Дону, в Воронеже, на Урале, на Волге. Необходимо восстановить издание журнала и в Иркутске.

Речь Г. МАРКОВА ИРКУТСК

Одним из таких научных вопросов является восстановление существовавших ранее литературно-художественных межобластных журналов в Ростове-на-Дону, в Воронеже, на Урале, на Волге. Необходимо восстановить издание журнала и в Иркутске.

Отмечая сегодня успехи писателей-сибиряков, я должен со всей резкостью сказать, что нам не хватает настоящего мастерства, и мы все еще слабо знаем жизнь народа. Взгляните на Сибирь! Сибирь сегодня — это гигантский край, на просторах которого идет кипучая созидательная жизнь. На наших глазах происходит события, о которых прежде люди могли слышать только в сказках.

Хочется сказать об Анатолии Александре, Несмотря на молодость, он имеет сложную литературную судьбу. После первой книги «Гридень один день» его переждали, а затем отчаянно переругали. Но он не растерялся и мужественно переписал свою книжку, которая и без того пользовалась доброй славой у наших и зарубежных ребят.

Хочется сказать об Анатолии Александре, Несмотря на молодость, он имеет сложную литературную судьбу. После первой книги «Гридень один день» его переждали, а затем отчаянно переругали. Но он не растерялся и мужественно переписал свою книжку, которая и без того пользовалась доброй славой у наших и зарубежных ребят.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

СОВЕТСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Речь ЧЖОУ ЯНА

КИТАЙ

Дорогие друзья и товарищи! Двадцать лет отделяют настоящий съезд от Первого съезда советских писателей. Народы Китая и Советского Союза с честью выдержали серьезные испытания, выпавшие на их долю в течение этих двух десятилетий. Глубокая дружба и тесная, неразрывная сплоченность народов Китая и СССР превратились в самую мощную силу для защиты мира во всем мире. Эта дружба ныне получила дальнейшее развитие и еще больше укрепилась, о чем свидетельствуют недавно опубликованные сообщения о китайско-советских переговорах. (Аплодисменты.)

Весь мир единодушно признает, что советская литература является самой передовой, самой животворной литературой человечества, что она представляет собой лучшее средство идеологического воспитания широких народных масс в духе коммунизма, мощное оружие в борьбе за мир во всем мире, за социализм и за народную демократию. Она принесла с собой всему прогрессивному человечеству свет и энергию, тепло и силу. Воплоще естественно поэтом, что она завоевала искреннюю любовь и глубокую признательность всех народов.

Конечно, влияние русской и советской литературы на китайский народ вышло далеко за пределы одной только художественной литературы. Еще со времени «движения 4 мая» 1919 года передовая интеллигенция Китая, изучая русскую классическую литературу, восприняла ее боевой дух, дух борьбы за прекрасные идеалы народа. В течение длительного времени китайский народ терпел тяжелые бедствия и страдания, не переставая мечтать о независимости и свободе. Как пошла была беспросветная тьмота нашей страны на ту тьмоту царской, помещичьей буржуазной России, которую изобличали своим метким пером русские классики! Как увлекла нас героическая борьба народа за права личности и за счастье человека, описанная в их произведениях! Перед нами засверкал «луч света в темном царстве» и за ним, этим лучом, мы готовы были пойти, невзирая ни на какие трудности!

Образование Китайской Народной Республики создало возможность для широкого, всестороннего развития тесных духовных связей, с давних пор существовавших между народами Китая и СССР. Произведения советской литературы и искусства завоевали миллионы новых читателей и ревностных читателей среди китайского народа.

Нет больше яркого подтверждения слов Н. Г. Чернышевского о роли литературы в качестве «учебника жизни», чем то значение, которое имеет советская литература для китайского народа.

Нам всегда следует учиться у советских литераторов работать в духе критики и самокритики. Однако, когда мы замечаем, что некоторые «критики» односторонне раздувают недостатки в произведениях советской литературы и незаслуженно приписывают их высокохудожественную и художественную ценность, мы, получившие огромную пользу от литературы великого Советского Союза, можем легко определить ошибочность подобных оценок. Огромное революционное влияние произведений советских писателей на людей всего мира является самым важным критерием для настоящей оценки советской литературы. Безусловно, что любовь и оценка миллионов людей не только Советского Союза, но и Китая и других стран гораздо правдивее и убедительнее, чем догматические концепции или

предвзятые барские взгляды некоторых так называемых «теоретиков».

В Китае есть старинная поговорка: «Быть в центре, как находится в центре Полярная звезда, окруженная другими звездами». Этими словами можно точно охарактеризовать положение, занимаемое советской литературой по отношению к прогрессивным литературам всех стран.

В процессе своего исторического развития литература китайского народа вела непрекращающуюся борьбу против порочных проявлений буржуазной идеологии. Со времени «движения 4 мая» китайская литература черпала животворные силы из замечательного литературного наследия классиков русской и мировой литературы. Однако в то же время уклон в современной буржуазной литературе и искусстве в сторону декаданса и формализма оказывал вредное влияние на нашу литературу. Прогрессивное направление, направленное социалистическое реализма, нашедшее свое выражение в творчестве Лу Синя, как бурный поток, смыло с китайской литературы это вредное влияние. До освобождения нашей страны голливудские кинофильмы господствовали на нашем экране, но не прошло и двух лет со дня образования КНР, как китайские зрители охотно отказались от них. Естественно, что в сознании широких народных масс Китая в значительной мере живет буржуазная идеологическая путаница. Произведения некоторых писателей сознательно или бессознательно распространяют эту идеологию. Борьба против буржуазной идеологии и антиреалистических тенденций в литературе становится все более серьезной и острой сейчас, когда наша страна находится в периоде, переходном к социализму. В этой борьбе нам значительно помогла и помогает критика советской литературы общественной ответственности всех проявлений космополитизма и буржуазного национализма; в особенности помогают нам известные исторические решения ЦК КПСС по вопросам литературы и искусства. Принципы марксизма-ленинизма с каждым днем завоевывают все новые и новые победы в мировом прогрессивном литературном движении.

Одним из наиболее известных и любимых китайским народом советских поэтов, оказавшим огромное влияние на китайскую поэзию, — талантливый поэт Владимир Маяковский еще много лет назад воспел китайскую революцию своими горячими стихами. Прогрессивные читатели всего мира ждут, чтобы советские писатели со всем своим замечательным художественным мастерством правдиво отобразили народное движение всех стран. Советские писатели должны взять на себя эту почетную интернациональную обязанность. (Аплодисменты.)

За 30 с лишним лет своего исторического развития советская литература накопила богатый опыт художественного творчества. Это опыт служит для нас примером, по которому мы учились. Мы уверены, что Второй всесоюзный съезд советских писателей подведет всесторонне правильные итоги этому опыту и на основе этих итогов выдвинет перед советской литературой новые задачи. Несомненно, что это поднимет советскую литературу на новый, высший этап развития, вдохновит прогрессивных писателей всего мира и поможет им с учетом своих исторических и национальных особенностей успешно продвигаться вперед по общему пути социалистического реализма.

Желаем съезду больших успехов! (Аплодисменты. Все встали и стоя приветствуют тов. Чжоу Яна.)

Наше советское театральное искусство — искусство многонациональное. И если на Первом съезде мы говорили об отдельных удачах драматургии и театра той или иной братской республики, то сегодня мы говорим о могучей литературе народов СССР, где есть не один только слоганный имена, но и славные традиции, не один только отдельные успехи многонациональной советской драматургии, но и ее общенародное и мировое признание.

Во все времена передовое реалистическое театральное искусство стремилось отразить интересы и чаяния народных масс.

Наша великая Коммунистическая партия зовет нас к высокой миссии, чтобы драматургия и театр были подлинно народными. Этот благородный призыв и неуклонное требование основаны не только на принципах строительства нового, невиданного в истории советского многонационального по форме и социалистического по содержанию искусства, но и на многовековом опыте развития мировой культуры, где испытания веков выдержали те творения, которые отражали с наибольшей силой и страстью жизнь, борьбу, стремления и чаяния народа.

И какими жалкими нам кажутся путы всевозможных декадансов и других врагов нашего советского искусства, старающихся опорочить высокие принципы нашего искусства, тем самым опорочить все светлое и великое, что создало мировое искусство.

И какими смешными нам кажутся некоторые наши путаники, которые на каждом шагу кланяются социалистическим реализмом и, вместе с тем, стараются навязать нам свои фальшивые эстетические критерии, поднимают на щит те произведения драматургии и театра, которые далеки от жизни, от народа.

Эти путаники мнят себя с серым натурализмом, а каждый свежий поиск яркой сценической формы объявляют формализмом. Они не хотят понять, что под формализмом мы понимаем прежде всего отсутствие содержания, что формализм в искусстве определяется не по яркой сценической форме, а по отсутствию в произведении содержания, что формализм и натурализм одинаково вредны и чужды нашему театральному искусству.

Некоторые товарищи могут подумать, что я говорю только о путаниках-критиках. Нет, они есть и среди драматургов и среди режиссеров и артистов, есть среди художников сцены.

Наша драматургия и театр должны стремиться быть богатыми по содержанию, как богата великими свершениями наша жизнь. Наша драматургия и театр должны стремиться быть богатыми разнообразием сценической формы, как богата, многокрасочна, беспредельно ярка в своих проявлениях наша жизнь.

Разве мало мы слышали речей и читали такие же ханжеские статьи, которые начинались с того, что нам нужны яркие и острые спектакли, но тут же путаники обрушивались на малейшее проявление свежего, яркого в исполнении артиста, в работе режиссера, в декорациях художника.

В приветствии ЦК КПСС нашему съезду заложены глубокие, волнующие мысли, отеческая забота о судьбе нашей литературы. «Партия призывает писателей к смелым творческим дерзаниям, к обогащению и дальнейшему развитию всех видов и жанров литературы, к повышению уровня художественного мастерства с тем, чтобы в полной мере удовлетворять все возрастающие духовные запросы советского читателя».

Этот яркий, боевой документ нашей партии открывает и зовет к новым вершинам творчества литературу и искусство.

Какие жанры нам нужны? Какие формы сценического искусства нам нужны? Где искать ответ?

Если глубоко и проникновенно поймет драматург то, о чем он пишет, свою ответственность перед народом, если глубоко и проникновенно артист, режиссер поймет с позиций жизни, что он должен раскрыть, — тогда пусть его никто не удерживает от смелого решения, от смелого выбора той формы, которая наиболее ярко даст возможность творцу раскрыть и донести к самому сердцу зрителя волнующие человека жизненные явления.

Наша советская драматургия росла и крепла на основе успешного строительства социализма. Лучшие пьесы К. Тренева и А. Толстого, Н. Погодина и Б. Лавренева, Б. Ромашова и А. Афиногенова, Самела Вургуна и В. Вишневского, Д. Дзьябарлы, В. Вагаришана, И. Кочерги и А. Файко, К. Крапивы, Ш. Дадиани, Я. Леонова и В. Виллы-Блазерковского, С. Шаниншилы и К. Яшена, В. Шкваркина и В. Катаева, В. Гусева и А. Арбузова, А. Глебова и А. Крона, Л. Рахманова, Ю. Яновского, Э. Самуиленко, Б. Кербабаева воссоздали картины Великого Октября, запечатлели героическую эпоху трудовых пятилеток, повели о людях, самоотверженно строящих социалистическое общество, примером своим крепивших новую, социалистическую мораль.

Огромным достижением советской драматургии и всей литературы было создание образа великого вождя партии и основателя Советского государства Владимира Ильича Ленина. Значение этого выдающегося события в развитии драматургии, свидетельствующего о ее идейной и художественной зрелости, очень велико. Пьесы «Человек с ружьем» Н. Погодина, «На берегу Невы» К. Тренева и другие вдохновляли трудящиеся массы на дальнейшие победы, на самоотверженный творческий труд.

С началом Великой Отечественной войны перед советской драматургией встали новые задачи. В лучших пьесах, созданных в годы войны, — «Русских людях» К. Симонова, «Наместника» Л. Леонова, «Осене о черноморцах» Б. Лавренева, «Офицеры флота» А. Крона, «Сказка о правде» М. Алигер, «Сталинградцах» Ю. Чюирина,

Печатается по сокращенной сценарие.

Содоклад А. Е. КОРНЕЙЧУКА

«Генерал Ватутин» Я. Дмитрико, «Константин Заслонов» А. Мовзона, «Победителях» Б. Черского и в других — был запечатлен исторический подвиг советского народа, одержавшего великую победу в борьбе с фашизмом.

В исторических пьесах этих лет А. Толстого, К. Тренева, В. Соловьева, И. Кочерги, С. Вургуна, Д. Демирчяна, М. Ауэзова, И. Сельвинского, С. Шаниншилы оживали героические эпизоды славной борьбы народов за свою независимость и свободу.

Историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне обязывала наших писателей к еще более активному, подлинно творческому, важному для народа делу.

Однако в послевоенные годы среди некоторых части драматургов и театральных деятелей появились настроения успокоенности. Им казалось, что после войны можно почитать на лаврах, снизить боевое звучание искусства. Сценические театры стали заполняться пошлой страшной буржуазными драмателю или бездумными пьесами некоторых наших писателей. Такие пьесы, как «Вынужденная посадка», «День рождения», «Ночевания в лесу», «Оно в лесу» и др., были построены на пустых, бессодержательных анекдотах, искажали и оглушали образы советских людей.

Партия не могла пройти мимо такого чужеродного для нашего искусства явления. 1946—1948 годы отмечены историческими постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Постановления ЦК ВКП(б), основанные на конкретных явлениях нашего искусства, в то же время давали ясную картину дальнейшего развития советской литературы, определяли ее принципиально новые черты в эпоху построения коммунистического общества. Советское искусство должно было показать всему миру моральную красоту и силу советского человека-победителя. Чтобы полнее и ярче выявить замечательные духовные качества наших людей, советские художники должны были разоблачить буржуазные пережитки в сознании, правдиво показать и заклеймить те отрицательные явления, которые есть еще в нашей действительности и в борьбе с которыми раскрываются лучшие стороны характера советского человека.

Необходимым условием для создания выразительного образа положительного героя является умение видеть жизнь во всех противоречиях, подмечать в ней правдивые конфликты, в преодолении которых укрепляется новое.

Было ли достигнуто все это в нашей послевоенной драматургии? В лучших пьесах — несомненно. В «За тех, кто в море» Б. Лавренева, в «Великой силе» В. Ромашова, в «Чужой тени» К. Симонова, в «Московском характере» А. Софронова, в «Законе чести» А. Штейна, в «Поют жаворонки» К. Крапивы, в «Независимом 1919-м» В. Вишневского, в «Жизни в цитадели» и в «Духах агаргах» А. Яковсона, в «Любви на рассвете» Я. Галана, в «Дневниковских зорях» Я. Ваши, в «Шелковом сызване» А. Каххара, в «Степи широкой» И. Винникова, в «За вторым фронтом» В. Собова, в «Его звезда» И. Москалина, в «Семье Аллана» Г. Мухтарова, в «Поэме о любви» Г. Мурепова, в «Губернаторе провинции» Бр. Тур и Л. Шейнина, в «Новых временах» Г. Мживани, в «Девичьях-Красавицах» А. Симукова, в «Годах страсти» А. Арбузова, в «Сердце не прощает» А. Софронова и во многих других наших пьесах.

Однако именно на этих положительных примерах интересно проследить те просчеты наших драматургов, которые во многом обеднили образ положительного героя.

Это прежде всего не всегда верное понимание приема художественного заострения, составляющего одно из непреходящих условий создания крупного типического характера. К сожалению, там, где дело касается создания положительного образа, драматурги не прибегают к отбору, к концентрации лучших черт и качеств характера и зачастую довольствуются простым, поверхностным отражением некоторых черт характера современного человека, что обедняет и сам образ, рассмотренный в жизни, и пьесу.

Не раз за границей при встречах с нами некоторые писатели капиталистических стран ставили нам в упрек, что мы провозгласили основой всей нашей драматургии и всей литературы образ положительного героя.

Мне кажется, что пришло время, когда писатели всего мира должны глубоко подумать над тем, почему на протяжении столетий многие и многие самые правдивые литераторы говорили человеку: смотри, все твои даже титанические усилия в борьбе со злом терпят поражение. Как бы ни горело твоё сердце, оно не сможет осветить для миллионов людей мрачный мир. Они показывали трогательную, благородную любовь, мужские силы ее жестоко разрушали. Какие потрясающие величии чувства дружбы мы видели в великих произведениях прошлого, но не слеза радости появлялась в глазах читателя-зрителя, когда он открывал книгу или уходил из театра, а горькие слезы глотал человек, оплакивая гибель, безжалостный разрыв великих чувств любви и дружбы, которые уничтожала страшная действительность, жестокий мир жизни и лавины. Как глубоко, с невероятной силой великие писатели прошлого показывали страдания души, создавали потрясающие человеческие драмы, но они все кончались разрывом любимого с любимой, мужа с женой, детей с родителями, друга с другом, и самые высокие чувства были разбиты, разорваны в разбиты теми же жестокими условиями жизни. Не солнечное «здравствуй, любима!» и «прощай!», не «здравствуй, друг!», а «прощай!», не «здравствуй, отец!», а «прощай!», не «здравствуй, родина!», а «прощай!» — так на протяжении столетий говорили человеку существовавшую действительность. Борьба своими замечательными произведениями за будущее, они мучительно искали человека-героя, мужественно писали о ярких, но еще одиноких лучах света во тьме.

Кто же во весь голос на весь мир сказал человеку: как бы тебе ни было трудно, как бы ни тяжела была твоя борьба, ты победишь, ты никогда не будешь в одиночестве, ты встретишь друзей, тебя не оставят. Кто решился сказать человеку полным голосом впервые в истории великое, открывающее слово: «здравствуй, верный друг!», «здравствуй, любима!», «здравствуй, отец!», «здравствуй, родина!».

Это сказала наша советская литература, неразрывно и открыто связавшая себя с победоносным революционным пролетариатом.

Есть ли более величественная, гуманная

и благородная задача для писателя, чем отдать весь свой талант, все свои силы во имя встречи людей, племени, народов, во имя неразрывной дружбы и любви, во имя торжества человека над темными силами зла!..

Вот почему мы с такой страстью утверждаем победу положительного героя.

Против этого у нас как будто никто не выступает. Но чем же, если не борьбой против положительного героя, является утверждение о необходимости его идеализации... Как могут эти сборники лабиринты не видеть величия современного советского человека, красоту его души, его героическую борьбу во имя высоких идеалов и требовать от нас, литераторов, чтобы мы создавали выдуманные, искусственные персонажи?

Не идеализированного героя, без сучка и задоринки, не красивого, возвышенного болтуна ждет от нас драматургов, зритель, а борца за светлые идеалы коммунизма, который не только преодолевает враждебные силы, сопротивляющиеся новому миру, но и преодолевает в себе присущие каждому человеку в той или иной мере человеческие слабости. Зритель хочет видеть, как наш современный человек закаляет свою душу в героической борьбе за светлое счастье своей Родины и всех народов мира, как он своими поступками на любом участке подает пример для окружающих.

Теория бесконфликтности, получившая особое распространение в последние годы, не могла не помешать развитию нашей драматургии и жизненности ее главного героя — советского человека-труженика. Если в пьесе не отражен большой жизненный конфликт, то ясно же, что положительный герой становится бездейственным, неинтеллектуальным, так как ему не за что бороться в такой пьесе, а идеалы не могут быть раскрыты вне активной борьбы со злом.

Однако, говоря о необходимости отражать в нашей драматургии большие социальные конфликты, нельзя в то же время представлять себе дело так, что конфликт — самоцель в художественном произведении, конфликт в то что бы то ни стало, конфликт ради конфликта. Этот негласный лозунг практически высказывают в целом ряде недавних пьес («Гости», «Наследный принц», «Детство», «Гибель Помпея» и т. д.) и ведет к искажению жизни. Как лабиринты действительности есть клевета на действительность, так и приписывание ей таких противоречий, которых она по природе своей иметь и порождать не может, есть все та же клевета на самые основы нашей жизни. Мы критикуем эти пьесы не за то, что авторы назвали их сатирическими, но за то, что, обличая то или иное явление, драматурги эти сами скатывались на позиции мелкобуржуазные и терли ласкую революционную перспективу. Подлинный активный боец за коммунизм — человек, которому ненавистно зло, мешающее людям жить и работать. Не бояться зла, непомерно преувеличивать его силу и значение — значит стать не борцом за коммунизм, а паникером. Именно так и произошло с авторами упомянутых пьес.

Задача создания остро сатирических произведений, которые бы клеймили все отжившее, все тормозящее развитие нашего общества, — одна из центральных задач советских драматургов. Призыв партии неустанно и творчески думать на

следие Гоголя и Салтыкова-Щедрина обращает особое внимание советских художников на одну из ведущих традиций русской классической драматургии — традицию комедийную.

Великие сатирики прошлого и советские драматурги решают принципиально различные идейные задачи. Сатира прошлого направлена на разрушение чиновничье-бюрократического общества; наша сатира утверждает и укрепляет Советское государство, борясь с недостатками, еще имеющимися в нашей действительности. Испо поэтому, что если советский драматург, создающий сатирическую комедию, механически заимствует сюжет гоголевского «Ревизора», то он не может не заимствовать и идейной задачи великого сатирика. Ведь совершенно же неверно думать, что можно воспользоваться сюжетной схемой какого-либо произведения, его композицией, художественной системой образов и отбросить при этом идейную задачу этого произведения, его основную идейную направленность, его сатирическую мишень в том случае, если речь идет о сатирической комедии. Гоголевский «Ревизор» бессмертен, как ярчайшая гневная сатира на существующий строй, как совершенное художественное воплощение идейного замысла автора, раскрытого в обобщенных типических характерах. Чему должен учиться советский сатирик у великого русского писателя? Гипотезу гражданскому пафосу, умения подмечать самые существенные, волнующие общество проблемы, совершенному мастерству типизации образа, мастерству художественного построения, ведущего к обобщениям, к широким философским обобщениям. Но понять мысль об учене у Гоголя, как необходимость непосредственного перенесения его идейного замысла и сюжетной схемы на материал советской действительности, — значит превратить живую и плодотворную традицию в мертвую догму, в схоластическое эпитонство, сделать живую и глубокую правду, запечатленную некогда Гоголем, неправдой о нашей действительности.

Чтобы советская комедия достигла своего подлинного расцвета, нужно и дальше совершенствовать этот важнейший жанр нашей драматургии, преодолевать в нем те недостатки, которые уже наметились в некоторых наших популярных комедиях. Недостатки эти лежат, в первую очередь, в легком, а зачастую и чисто внешнем разрешении конфликта, когда борьба характеров подменяется ведомственным устранением противоречий. Недостатки эти лежат в приверженности наших драматургов к раз использованным образам и сюжетным ситуациям, которые от частого и однообразного повторения становятся уже схемами и штампами.

Недостатки многих наших комедий заключены еще и в том, что хорошим юмором, смелой шуткой наделены в них зачастую только отрицательные персонажи. Полюбительские же герои не остроумны, они не борются шуткой, не разят острым народным словом. А как бы выросли наши комедии, если бы наступление в них вел не вялый докладчик авторских идей, а живой, веселый, остроумный человек, жив шутка была бы крепче, злее, умнее всего, что говорит и делает его противник. Именно тогда наши комедии смогли бы стать подлинно народными произведениями.

Недостатки многих наших комедий заключены еще и в том, что хорошим юмором, смелой шуткой наделены в них зачастую только отрицательные персонажи. Полюбительские же герои не остроумны, они не борются шуткой, не разят острым народным словом. А как бы выросли наши комедии, если бы наступление в них вел не вялый докладчик авторских идей, а живой, веселый, остроумный человек, жив шутка была бы крепче, злее, умнее всего, что говорит и делает его противник. Именно тогда наши комедии смогли бы стать подлинно народными произведениями.

В пьесах наших непременно должен быть интересный, умело разработанный сюжет. Почему-то важнейшие компоненты художественного формы — сюжет и фабула, важнейшее качество пьесы — занимательность кажется многим второстепенными. От этого и получается, что занимательные, хотя и неглубокие по содержанию пьесы привлекают зрителя подчас больше и становится репертуарнее, чем высокоидейные, но сюжетно мало интересные, скучные произведения. Этот факт часто замалчивается нашей критикой, а между тем говорить о нем необходимо.

Только в органическом сочетании высокой идейности, больших характеров и острых сценических ситуаций заложен подлинный успех драматурга.

Советская драматургия — учитель и воспитатель трудящихся, а эту свою важнейшую роль она сможет выполнять только тогда, когда в основе ее будет лежать положительный пример труда и подвига — пример нашего героического современника, нашего советского труженика.

Вне больших философских обобщений невозможно полностью и до конца успешно решить задачу создания положительного образа. К большому утрату для советской драматургии забыта или, во всяком случае, отнесена на второстепенное место замечательная традиция классической драмы — поднимать частный факт до большого философского обобщения, что так мастерски умел и любил делать великий пролетарский писатель Горький.

Отсутствие во многих наших пьесах подтекста, второго плана, передающего самую интимную душевную жизнь героя, боянь избыточного мышления, точного реалистического символа, неумение углубить характер главного героя характеристиками побочных действующих лиц, больше ясно раскрывающими те или иные черты в облике центрального персонажа, — все это ведет к сдержности.

Говоря о необходимости повышать профессиональное мастерство писателя, нельзя обойти такой важнейший вопрос, как язык наших пьес.

Язык героев должен быть ярким и полно раскрывать конфликт пьесы. В языке, так же как и в действиях, поступках героев, должны ощущаться большие и важные столкновения, противоречия, борьба людей разных взглядов на жизнь, на труд. Именно таким языком, активно раскрывающим и характеры героев, и существование конфликта, написаны замечательные пьесы Горького, лучшие пьесы советских драматургов.

(Окончание на 4-й стр.)

Речь А. КРУЧКОВСКОГО

ПОЛЬША

Дорогие друзья! От имени польской делегации, представляющей сотни писателей моей страны, я горячо приветствую Второй всесоюзный съезд советских писателей. (Аплодисменты.)

Мне хочется заверить вас, дорогие друзья, что мы, писатели Польши, ждали этого съезда с таким же нетерпением, как вы, и возлагаем на него не меньше надежд, чем вы.

Всем нам, конечно, ясно, что история литературы и пути ее развития определяются не съездами писателей, а произведениями. Но этот съезд несет совершенно исключительный характер. В Советском Союзе — впервые в истории литературы — писатели почувствовали ответственность не только каждый в отдельности за свое творчество, но также все вместе за стремления и достижения, поражения и победы, недостатки и величие литературы своей страны и, больше того, своего времени.

Советское общество впервые в истории культуры потребовало, чтобы все писатели поняли роль творцов так, как ее до сих пор понимали только крупнейшие и лучшие представители мировой литературы: как роль строителей и судей жизни, художников, служащих народу и человечеству; советское общество потребовало, чтобы писатели, независимо от степени своего таланта, обладали наивысшим сознанием своих задач, расширяя, таким образом, круг своего миропонимания и мироощущения.

Мне хотелось бы, дорогие друзья, отметить, что ваша ответственность значительно шире, чем это, быть может, кажется вам в вашем повседневном труде. Она распространяется далеко за пределы вашей великой Родины. Сейчас сотни, даже тысячи писателей во многих странах, в том числе писатели Польской Народной Республики, полюбили великодушную правду и прекрасные образы, которые впервые показала миру наша советская литература. Они вам обязаны новыми переживаниями и новым познанием человека. Звание авангарда передовых писателей мира — ваша прекрасная и заслуженная привилегия. Но именно это звание увеличивает вашу ответственность. Оно усиливает звучание ваших голосов, ваших дискуссий об увлекательных, но вместе с тем трудных проблемах литературного творчества в наше время, оно придает вашей радости, но в равной мере беспокойству ваши заботы.

Не могу здесь не напомнить, что мы,

польские писатели среднего и старшего поколений, впервые познакомились с советской литературой в условиях, когда достаточно было иметь у себя дома несколько произведений этой литературы, даже как будто легально изданных в нашей стране, чтобы это стало тайгчайшей «уликкой» в глазах буржуазной полиции. В таких условиях эти книги делались нам еще ближе, это было нечто большее, чем просто книги, это были жители наших домов, это была живая часть наших собственных судеб.

Я потому вспоминаю об этом, что и сегодня во многих странах люди знакомятся с произведениями советской литературы в похожих на эти или еще менее благоприятных условиях. Они питают к этим книгам любовь, которая рождается в ежедневной борьбе, питают к этой литературе глубокое доверие, которое помогает им жить и бороться.

Я думаю, что осознание этого факта тоже является одним из источников того великого чувства ответственности, которое составляет органическую, внутреннюю связь творческого коллектива советских писателей. Оно является также источником, из которого советские писатели черпают силу, необходимую для преодоления ошибок и искривлений, ложных теорий и вредного упрощения.

Позвольте мне выразить глубокое убеждение в том, что в нашем богатейшем и разнообразном многолетнем творчестве имеются неисчерпаемые резервы плодотворных мыслей и опыта. Их выявление и дальнейшее развитие поможет всем нам еще полнее развить нашу творческую энергию, усовершенствовать и поднять уровень мастерства и одновременно сделать более действенной дальнейшую борьбу за социалистический реализм, — придает ей еще больший размах и еще больше открыллит наши надежды.

Именно это, дорогие друзья, ждем мы от вашего съезда. Мы горячо желаем, чтобы он стал одним из важнейших этапов в развитии прекрасного искусства «человека-человека», как назвал литературу Максим Горький, того искусства, которое мы, советские писатели, превратили в оружие героического, сознательного преобразования жизни. Мы, ваши товарищи по оружию, желаем также, чтобы съезд этот еще больше сплотит нас с вами, еще ярче осветит путь наших общих творческих усилий и нашей великой борьбе за большую многонациональную социалистическую литературу мира. (Аплодисменты.)

С О В Е Т С К А Я Д Р А М А Т У Р Г И Я

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Но, к сожалению, герои многих наших произведений все еще разговаривают одним и тем же глянцем, не индивидуализированным, авторским языком. И тогда начинаешь путать героев пьес. Это значит, что автору не до конца ясен внутренний мир его героев, их цели и желания, смысл той борьбы, которую они ведут.

Что делает пьесу не просто одной из многих хороших пьес, но и произведением, стоящим в первых рядах, произведением новаторским? Пьесы, несущие в себе зерно нового, где типическое взято не только в его результате, но и в его рождении, пьесы-флагианы, пьесы, открывающие новые темы, новых людей, новые пласты жизни, — такие пьесы особенно дороги нашему народу.

Одной из таких пьес была, например, пьеса К. Симонова «Чужая тень». К. Симонов показал опасность влияния буржуазной идеологии, увидел людей, на которых она воздействует, и создал пьесу, проникнутую высоким гражданским пафосом, пьесу, где в ярких художественных образах была глубоко раскрыта идея советского патриотизма.

Победа ждала драматурга там, где он показал не только уже готовый характер, но характер формирующийся, меняющийся, характер, в котором под влиянием жизни происходит острый психологический перелом. — характер Трубиной. К. Симонов не обманулся легким решением конфликта. Именно потому содержание борьбы, потому значительный воспитательный смысл пьесы, что в Трубиной сила пьесы велика еще и потому, что борьба идет не только против, но и за Трубинову, борьба за его политическое прозрение, борьба за человека. А борьба за человека всегда была важнейшей чертой лучших произведений русской и мировой литературы.

В другом жанре, жанре народной драмы, пишет свои пьесы еще со времен «Сталинградцев» Юлий Чепурин. И в его сравнительно недавней пьесе «Весенний поток» заложены те же черты, которыми определялась для нас пьеса К. Симонова. Чувство юного, понимание народного характера, умение видеть существенные противоречия времени отличают эту пьесу Чепурина.

Существенные стороны нашей жизни, но не только кем затронуты, отразили в своей пьесе «Годы странствий» драматург А. Арбузов.

Глубокий моральный конфликт лежит в основе этой пьесы. Нравственные нормы советского человека, его гуманистическая, высокая мораль — вот тот новый критерий, по которому проверяются поступки и мысли людей. Не суду подсудны те отступления от этой морали, которые допускают герои пьесы Ведерников. Их осуждают его товарищи, их судит общество, высший нравственный суд. Это новое типическое явление нашей действительности, когда человек, не виновный в преступлении, но виновный в отступлении от советской морали, должен нести ответ перед теми, для которых это отступление невозможно, верно подмечено драматургом и перенесено в его пьесу как новая норма поведения в жизни людей.

Пьесу Арбузова полюбили зрители. Но самому Арбузову надо задуматься над тем, что в его пьесе истинно живое и что в них внешне эффектное, рассчитанное на требовательный вкус. Это и нарочитая камерность, и ложно психологическая запутанность, и не всегда четкая, определенная авторская позиция. Психологическая драма, в манере которой пишет Арбузов, должна развиваться в нашей драматургии. Но дальнейшее ее развитие лежит на пути преодоления всех тех недостатков, о которых мы говорили.

Новая драма Анатолия Софронова «Сердце не прощает», как и те пьесы, о которых мы говорили, отмечена активным вторжением в жизнь, умением подмечать типическое. Личное неотделимо в нашем обществе от общественного. Драматург сумел раскрыть сущность этих слов и показать, как неразделимы эти стороны жизни не потому, что муж хочет сесть одно, а жена другое, почему они и не могут быть вместе, как это нередко бывало в наших пьесах, а потому, что без общности больших интересов нет и не может быть взаимного уважения, крепкой семьи, настоящей любви. Создав образ сильной русской женщины Екатерины Топиной, для которой нет и не может быть никаких компромиссов, драматург продолжил традицию русской литературы, с такой любовью и пониманием нарисовавшей целую галерею замечательных русских женщин.

С интересной новой пьесой «Персональное дело» выступил к съезду драматург А. Штейн. В пьесе этой поднят важнейший вопрос о доверии к человеку, о необходимости бережно и свято охранять доброе имя советских труженников от перестраховщиков, бюрократов, карьеристов.

Различные авторские манеры, творческие почерки и художественные особенности наших драматургов, объединенных единым методом советской литературы, методом социалистического реализма. Полное и наиболее яркое развитие каждой подлинно творческой индивидуальности — залог огромного эмоционального воздействия нашей драматургии, залог ее идейности, жизненности и красоты.

Однако, наряду со всемерной поддержкой разнообразных и плодотворных направлений в нашем искусстве должна не ослабевать борьба с пустым и опасным органицизмом, с любыми попытками прощадить под флагом многообразия форм нашего искусства буржуазный космополитизм, формализм и натурализм.

Мы должны не ослабить нашей борьбы с этими чуждыми тенденциями, уметь распознавать их под любой маской.

перестраховки, а точнее говоря, трусости в отношении работ, написанных людьми, подвергавшимися в свое время справедливой критике.

Можно было бы указать на то, что хорошая книга Г. Бояджиева о Марцеллой в течение ряда лет лежала в издательстве «Искусство» и вышла только в последнее время. В течение нескольких лет критик Ю. Юзовский работал над капитальным трудом «Горький — драматург». Однако издательство «Искусство» все еще никак не решает выразить свое ясное отношение к этому труду. Мне кажется, что нам пора покончить с неправильным и вредным отношением к людям, которых по тем или другим причинам критиковали. Если наши коллеги по перу, которых критиковали, исправляют делом свои ошибки, то к ним нужно проявить чуткое товарищеское отношение. А у нас, к сожалению, перестраховщики делают все для того, чтобы человек, которого справедливо критиковали, больше не мог печататься. Приклеив ярлык и радуясь, а ведь это ничего общего не имеет с принципиальной критикой, к которой призывает нас партия.

Надо признать честно, что мы, драматурги, не раз равнодушно проходим мимо победных уродливых явлений. Некоторые из нас даже считали, что чем больше будет театральных критиков, тем лучше. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что у нас сложилось неадекватное отношение между драматургами и критиками. Виноваты и драматурги и критики. Очень легко и безбоязненно некоторые наши критики анализируют произведения драматургов и невольничьи высказывают свои, часто бледные, мысли от имени народа, а драматурги с такой же легкостью зачеркивают все хорошее и важное, что сделала наша театральная критика, без которой успех драматургии и театра немислямы.

Советским драматургам и театральным деятелям в их каждодневной практической работе должна помогать наша театральная критика, глубоко разрабатывая важнейшие проблемы теории драмы, специфичные проблемы драматургии, насущные вопросы марксистско-ленинской эстетики.

Мы пришли ко Второму всесоюзному съезду писателей с большими достижениями, и что главное, что принципиально новое в этих достижениях. — это то, что завоеваны они всей нашей многонациональной советской культурой. Далеко за пределами своих республик известны имена таких драматургов, как Я. Галан, И. Корчег, Ш. Дадияни, С. Вургун, М. Ибрагимов, К. Крапива, И. Мосашиян, С. Шанинашвили, А. Якобсон, А. Каххар, Г. Мухтаров, Ю. Балтушис, Сабит Рахман, Н. Дьяконов, В. Собко, А. Мовзон, А. Григулис, Н. Зарян, А. Броделе, Т. Гиззат и многих других. Пьесы этих драматургов несут людям яркое и талантливое раскрытие национального характера героев.

Еще более успешной и плодотворной дружбе наших национальных театров могла бы помочь организация в Москве Театр Дружба, куда бы приезжали со своими лучшими спектаклями театральные коллективы всех наших братских республик.

Принципиально новым явлением в нашей литературе стало развитие драматургии для детей, для юношества, драматургии, воспитывающей подрастающее поколение в духе коммунизма. Детский театр — детище Советского государства, родившееся как результат постоянной заботы и внимания партии и правительства к детям. Лучшие пьесы А. Бруштейн, В. Катаева, С. Михалкова, В. Каверина, С. Маршак, А. Барто, Е. Шварца, В. Любимовой, В. Рождина, И. Штока, В. Волынского, А. Симюкова и др., написанные для советской молодежи, учат ее любви к Родине, чувству ответственности перед коллективом, высокой дисциплине, коммунистической морали. Изжить диалектику, назойливые поучения, ненужную назидательность, слезливое умиление перед «хорошими», «добрыми» детьми, понять, что такое положительный и отрицательный герой в детских пьесах, можно по существу, а не следовать схеме «можно — нельзя» — таковы очередные задачи наших писателей, работающих для детей театра.

Самое серьезное внимание нужно обратить на острое направление драматургии. Одноактная пьеса, поставленная на колхозных и рабочих площадках, в клубах и домах культуры, должна служить мощным фактором воспитания, боевой пропагандой политики партии, должна прививать нашим людям высочайший вкус, высокие моральные принципы, любовь к труду, учить их патриотизму и ненависти к врагу.

За 20 лет между съездами в драматургии пришли писатели, чье мастерство уже достаточно окрепло и сформировалось. За последние годы выросла и талантливая писательская молодежь: А. Макаенко, Д. Деватов, В. Лавренко, А. Сальвинский, В. Разов, А. Галич, Н. Зарудный, Г. Янджан, Г. Валпаян, Г. Тер-Григорян, И. Карагезян, Мугат Барим, Г. Мухтаров, Ю. Принцев, Т. Абдумомунов, Н. Дьяконов, М. Бараташвили, А. Волков, А. Кожемякин и многие другие.

Многонациональная советская драматургия крепла и мужала вместе с нашим многонациональным советским театром. Развитие драматургии, ее бесспорные достижения за прошедшие двадцать лет неотделимы от нашего театра, от его замечательных творений, открытий, величайших идей строительства самой передовой в мире многонациональной советской социалистической культуры.

В предпоследней дискуссии на страницах нашей прессы было напечатано немало статей, в которых ставились насущные проблемы нашей драматургии и театра. Особенно мне хочется отметить статьи Н. Овдовина, в которых он ставит важные проблемы перед нашим театральным искусством, а также статью А. Дикого, К. Зубова, Р. Симонова, Б. Скороботова и других выдающихся деятелей нашего театра и драматургии. Не желая умалчать, что большинство авторов, критикуя недостатки нашей драматургии, вело разговор о том, что годы уплыли, а роль хороших мало, о том, что может быть героем, нужно ли героя идеализировать, сколько ему следует отпустить положительных и отрицательных

черт, что великие русские классики умели писать замечательные роли и даже их маленькие роли приятно играть, а современные пишут схематично и холодно, скучно и плохо. Высказав эти «свежие» и «оригинальные» мысли, некоторые режиссеры и народные артисты мечтают о постановках старых пьес «из ящика и шапки». Многие драматурги заняты решением проблемы, как же писать сатиру, можно ли написать пьесу, где не будет ни одного положительного персонажа, и вообще после резкой и справедливой критики пьесы Зорина «Гости» стараются забыть друг друга, что следует сначала решить, какие Гоголи и Шеррины нам нужны, что нужно выработать снова точную формулу, а потом писать сатирические пьесы. Два маститых драматурга мне заявили: «Если нам дадут точную формулировку, тогда мы можем спокойно писать сатиру». Некоторые критики мне перед съездом очень искренне, волнуясь, говорили: «Мы хотим писать большие статьи, ставить крупные проблемы, жгучие вопросы, но я могу это делать, когда будет спокойная атмосфера, когда буду знать, что на меня не обрушатся колесницы по перу»...

Спокойно писать пьесы, и особенно сатирические, спокойно писать о жгучих вопросах искусства, спокойно ставить и играть современные пьесы, спокойно читать дайные доклады о системе Станиславского, спокойно утверждать — и только утверждать! — что социалистический реализм предопределяет богатство и разнообразие сценических форм. Спокойно и деликатно критиковать тех драматургов, у которых услужливые критики обнаружат золотой песок и причислят их навсегда к золотому фонду.

И понимаю эти этические, а бы сказал, трогательные чувства моих коллег драматургов и деятелей театра. И даже думаю, если так дела пойдут дальше, то скоро мы будем говорить о бриллиантовом фонде, ведь здесь больше.

Я бы очень хотел, чтобы меня поняли правильно. Я далекий от мысли, чтобы хоть в какой-нибудь момент принизить благородное дело драматургического писателя, требующее огромного труда, большого напряжения и большой волнующей ответственности перед нашим зрителем и театром. Но нельзя мириться с таким положением, когда зритель часто не находит в наших пьесах выражения духовных сил народа, когда судьбы человеческие далеки от судьбы народной, когда зритель не взволнован не следит за каждым словом, движением, а слушает как бы собрание, где долго и трудно выступает неподготовленный докладчик, которому аплодируют с чувством «спасибо, что кончил».

Почему за последние годы на лучших сценах нашего театра так мало великих произведений мировой классики — Пушкина, Шекспира, Лермонтова, Мольера, Сухова-Кобыляна, Корнея и Шиллера, великих трагиков Греции, — тех великих писателей, без которых нельзя серьезно говорить о богатстве театральной культуры? Может быть, кто-нибудь запретит? Не правда! Может быть, зритель не хочет встретиться с великими, неизмеримыми образами трагедий и комедий гениальных драматургов? Не правда. Ни в одной стране мира не издаются в таких огромных тиражах великие произведения мировой классической драматургии, как у нас, и нельзя кушиться, несмотря на огромные тиражи, эти книги, так жалко читает их наша молодежь, наш советский читатель.

И хочу сослаться на МХАТ, Малый театр, театр имени Франко, вахтанговцев, театр имени Густавей и другие театры, которые вероятно, скоро переведут из золотого фонда в бриллиантовый: не надело ли вам в тихой жизни пребывать? Вы можете спросить: а вам, драматургам, не надело тихой жизни? Когда вы, драматурги, вспоминаете добрые пожелания вашего коллеги по перу, который сказал в одной своей пьесе о том, за что любит драматурга: «За правдивые речи, за добрый совет и за то, что разумней и лучше они делают граждан родимой землей? Эти слова были сказаны свыше двух тысяч лет тому назад, это слова Аристофана. Аристокан был очень давно. Может быть, лучше вспомнить более близких нам писателей? Например, Гоголя, который понимал драматургию и театр, как великую школу, где читается разом целый толще живой урок...», «Это такая кафедра, с которой можно много указать миру добра».

И не могу я для полноты картины не вспомнить великого украинского поэта Шевченко. Прочитав на украинском языке одно его высказывание. Если будет непонятно, переведу на русский язык. Шевченко говорил: «Шоб язи людей, треба жити з ними. А шоб про них писати, треба самому стати людиною, а не паперомарелем. От тоді пишуть і тоді праця ваша буде працю чесною».

Мне могут сейчас бросить из зала справедливый упрек: «Товарищ докладчик, мы сами мастера цитировать великих классиков и в этом деле стали непревзойденными. Вы ближе к делу, товарищ докладчик!».

Это, конечно, верно. Поэтому простите мне мою человеческую слабость — говорю прежде всего о недостатках ближнего, и особенно горячо, когда он не сопереживает к золотому фонду. Я постараюсь сделать шаг вперед и начну с моих накрепко зафигуривших коллег.

Мы глубоко ценим замечательный талант драматурга Николая Федоровича Погодина. Нет нужды говорить о созданных им таких произведениях, как «Поэма о тоноре», «Мой друг», «Человек с ружьем», и других пьесах, которыми он порадовал театр и зрителя. Но почему так случилось, что маститый драматург на протяжении последних лет написал не одну пьесу, и все они не принесли большой радости ни театру, ни зрителю, ни автору? Может быть, годы сказались на его творчестве? Нет, он в расцвете сил, вступил в лучший период жизни, когда горячие чувства просветлены мудростью. Говорят, перестал изучать жизнь. Трудно поверить. Я читал его очень хорошие статьи по вопросам драматургии. Почти в каждой статье он справедливо говорит, что главное для драматурга — знать жизнь, героическую борьбу совет-

ского народа, строящего коммунизм. Погодин не живет анахоретом, а встречается с людьми и даже ездит по стране. Может быть, отстало его мастерство драматурга? Неверно. В своей книге он замечательно анализирует произведение драматургии классической, современной и делится своим богатым опытом действительно зрелого мастера. Хорошо и требовательно учит других. Почему же так случилось?

Может быть, в моем ответе горькие слова будут приняты не только Погодиным, но и многими моими товарищами по перу и по сцене, которые в большей или меньшей мере страдают такими же недостатками. Так как я не теоретик, позвольте мне обратиться к примерам нашей жизни и обратиться еще один вопрос не к Погодину, а к другому небезызвестному драматургу. Почему вы, товарищ из (пока не буду раскрывать фамилию), тоже во всех своих выступлениях утверждаете, что главное для драматурга — знание нашей жизни, доводя часто ездить по родной стране и бываете за пределами нашей Родины, где вы еще острее можете ощутить все величие борьбы советского народа за новую, светлую жизнь, вы в теме, которая так близка вам, а именно — жизни крестьянства, не заметили тех глубоких процессов, которые происходили в последние годы в нашем селе? Помните, вы присутствовали несколько лет назад на одном замечательном совещании в Киеве. Никита Сергеевич Хрущев создал четырехэтажных лучших агрономов, передовых председателей колхозов, выдающихся ученых Украины и Москвы и поставил вопрос: можно ли так дальше вести хозяйство, когда планируют яровую пшеницу на огромных площадях юга Украины, а она там из года в год дает мизерные урожаи. Это планирование поддерживает ряд авторитетных в нашем государстве ученых в области сельского хозяйства, доказывает в своих статьях, вопреки фактам, что яровая пшеница на юге Украины должна родить, а она не родит, крестьяне ругаются, но сеять обязаны — такой план, хотя он наносит прямой ущерб государству и народу. Земля, которая могла бы давать сотни миллионов пудов озимой пшеницы, из года в год возвращала посевной материал яровой пшеницы. Вы видели, товарищ драматург, как горячо подержали товарища Хрущева агрономы, передовые колхозники, и как не поддержали его в то время некоторые авторитетные ученые. Вы помните хорошо, как не выдержал этой позиции ученых передовой колхозник тов. Танченко, и из глубины его сердца вырвался крик: «Если ЦК победит такую науку, то хліб буде!».

Но вы не только присутствовали на этом совещании. Вам не раз об этом говорили в селах. Почему же вы горячим словом не откликнулись на все эти острые события государственной важности, а уехали в милую сердцу вам «Калиновую рощу»? Почему не тронули сердце ваше и другие важнейшие стороны жизни, которые вы наблюдали и которые наша великая партия, ее Центральный Комитет с такой предельной прямой открытостью на сентябрьском и последующих пленумах ЦК?.

Почему так случилось, товарищ Борнейчук, Погодин, Симонов, Романов, Лавренко, Арбузов, Крон и другие товарищи, члены и кандидаты золотого фонда, что важнейшие процессы жизни и борьбы нашего общества, нашего народа вы в последние годы так неглубоко и так несовершенно раскрываете в своих произведениях?

Почему вы, глубокоуважаемые народные и заслуженные артисты и режиссеры, митрите с серыми постановками драгоценимых произведений великой русской классической драматургии, не обогащаете в должной мере нашу всеобщую сцену классическими произведениями братских народов нашей Родины, не черпаете полной мерой все лучшее из того, что создала культура народных демократий, чтобы мы могли глубже понять жизнь, быт, национальные культуры наших друзей и братьев?

Почему стали так бояться наши театры открытого политического пафоса, заключенного в лучших наших пьесах? Почему, когда герой обращается в зал со страстным гражданским монологом, вы то и дело подставляете ему различные бытовые подпорки, ссылаясь на Станиславского и метод физических действий? А разве не Станиславский говорил о необходимости откровенно гражданственного решения «Горя от ума» или обязательного выявления остро политического пафоса «Бронепоезда 14-69». И разве в том заключается метод физических действий, чтобы в момент самого высшего напряжения всех чувств героя дать ему в руки полотенце, которым он их вытирает, или книгу, которую он перелистывает, или что-нибудь в этом же роде.

Взволнованность, страстность, политическая острота — драгоценнейшие качества наших спектаклей — должны быть воспроизведены на наших актерах и театрах.

Почему, наконец, так мало пишут известные драматурги: голыми театры живут от них пьес, и так мало осуществляют постановки наших крупнейших театры страны?

Часть критиков и драматургов относит сегодня почти все недостатки нашей драматургии и театра за счет фамильной и вредной «теории» бесконфликтности. Слов нет, вредная «теория» бесконфликтности нанесла ущерб нашей драматургии. Но ведь она росла и распространялась, как пожар бурной, среди нас довольно свободно, пока партийная печать не обратила наше внимание, что под самым нашим носом на злобной почве растет плохо пахнущий сорняк. И только тогда мы серьезно задумались. Как?! Но какому

праву он растет?! Кто разбросал вредные семена?... Кто его посадил?... Мы обрушили весь свой гнев на трех или четырех наиболее рьяных представителей этой дожной «теории», что сделали совершенно правильно, но не успели, с моей точки зрения, основное — не поставили перед собой главной проблемы: а почему так случилось? Почему одни из нас совершенно примирительно отнеслись к этому вредному явлению, а другие спорили в чисто теоретическом плане, — возможно ли создать бесконфликтную пьесу, киносценарий, — и утверждали, что это трудно и даже невозможно. Я не могу не отметить, что даже сейчас есть среди нас весьма уважаемые товарищи, которые, выступая против «теории» бесконфликтности, стараются показывать свою аргументацию и ведут абстрактный, а бы сказал, туманный разговор о ползке конфликта в драматургии.

Ответ на вопросы, которые я поставил перед собой и моими товарищами по перу, драматургами, а также нашими общими друзьями, театральными деятелями, нужно искать в нас самих, в нашем творчестве, и ни в кого не перекладывать свою ответственность перед народом за судьбу нашей драматургии и театра.

Верно объясняют наши недостатки слабым знанием жизни, Советуют больше ездить по стране, встречаться с народом. Не выдумывайте пьесы в кабинете, а черпайте сюжеты, образы из жизни.

Но я хочу спросить вас, товарищи: могут ли помочь драматургу самая интересная пьеска, встречи с самыми интересными людьми, если у него притупилось чувство ответственности перед партией, народом за свое творчество, если он, другой раз незаметно для себя, становится вместо народного трибуна благодушным, ни в чем горячо не заинтересованным путешественником?

Какие острые жизненные конфликты могут зажечь душу драматурга, если он стал смотреть на жизнь глазами путешественника? Да смотри так все жизнь на жизнь, — ничего не увидишь, и никакое знание своего ремесла не поможет, а наоборот, еще резко подчеркнет поверхностные наблюдения и неглубокие, бесстрастные, по той же причине, душевные переживания героев.

Самоуспокоение приводит к отходу от жизни, к безответственному отношению к насущным задачам строительства нашей коммунистической культуры, к неприятию злу, всяким чуждым вылазкам, к потере горячего чувства ответственности перед народом и партией, приводит к дезертизму из коллектива, к сдаче боевых позиций.

Судьба нашей советской драматургии — это родное дело всей нашей литературы и всего нашего театрального и кинематографического искусства. Но, конечно, никакая помощь драматургам не даст результатов, если мы, драматурги, сами не осознаем глубоко свои ошибки, если мы, драматурги, не будем искренно воспринимать справедливую критику по нашему адресу, если мы не научимся быть самими суровыми судьями своих произведений, если в нашей душе не будет огромного волнения и страстного желания постичь глубокие процессы жизни с высоты тех великих исторических задач в строительстве нового, коммунистического общества, которые поставила перед нами наша родная партия.

Никто не может дать драматургу рецептов, как нужно изучать жизнь, указать тропы к тайникам человеческого сердца.

Но есть опыт великих писателей — борцов за счастье народа. Различными тропами и дорогами шли они в жизнь, но у всех было одно, что слило их сердце с сердцем народа и придало им такую силу, что проходит столетия, а их слово живет, их чувства пленяют и потрясают наше сердце, — это то, что они думали не о личном успехе, их волновали не поверхностные, скоропреходящие явления жизни, а величайшая борьба народов за свое существование, за светлую правду, против гнета и насилия. Они ставили перед собой большие, волнующие народ задачи, они были поэтому большими драматургами и большими политиками своего времени.

Может ли мы, вооруженные светлым учением марксистско-ленинизма, быть достойными своих великих учителей? Можем ли мы быстро преодолеть наше творческое отставание? Можем ли мы побороть в себе человеческую слабость, которая тянет нас к тихой жизни, к мелким делам и преждевременной старости физической и духовной? Есть ли у нас силы, таланты, которые способны создать чудесный образ нашего современника, советского труженника, нового человека, неотъемлемого борца за счастье своего народа, за счастье народов мира, чтобы сегодня простые люди во всем мире и будущие поколения через столетия почувствовали живое сердце, титанический труд, тяжелейшую борьбу нашего народа и чтобы в их сердце, в их глазах появились горячие слезы благодарности за все великое и доброе, что свершило и свершает советский народ сегодня.

Позвольте мне от своего и вашего сердца сказать с этой высокой трибуны: да, есть у нас силы, и мы создадим произведения, достойные великих дел нашего народа и партии. Наша вера основана на больших достижениях на протяжении последних двадцати лет, которые превратили нашу драматургию и театр в самое передовое искусство мира.

Когда-то великий Горький сказал: Человек это звучит гордо! Мы и сегодня с чувством глубокого волнения повторяем эти драгоценные слова и от всей души добавляем к ним: Человек достоин песни!

Пусть же все наше творчество станет достойной и реткой песней о героическом подвиге нашего многонационального родного советского народа! (Продолжительные аплодисменты).

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИН, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

КОМУ ПОДЛОЖИЛИ СВИНЬЮ?

Англичане, как известно, гордятся своими традициями.

Но традиции традиции рознь... Об одной не очень дестной для английских политиков «традиции» в минуту откровенности напомнил однажды покойный Ллойд-Джордж, глава британского правительства в эпоху первой мировой войны и в первый период после ее окончания. Джордж Клемансо, видный государственный деятель Франции, задал ему вопрос, связанный с тем, что, по его мнению, Англия изменила своему союзнику тотчас же после победы над Германией. «На следующий день после перемирия, — сказал он с горечью, — я нашел в вашем лице врага Франции».

— Что ж, — ответил достопочтенный Ллойд-Джордж, — разве не таково наша традиционная политика?

Традиция измены своему боевому союзнику, разумеется, не заслуживает похвалы и не вызывает уважения. Но не будем касаться моральной стороны дела. До поры до времени это не совсем красивая «традиция» приносила самой Англии выгоду.

Известно, что традиционная британская политика в Европе состояла в том, чтобы противодействовать сильнейшей державе на континенте и, в противовес ей, поддерживать ее врага, в данный период более слабого. Само собой понятно, что при подобной политике враг и друг по временам менялись местами в сердце английских государственных деятелей. Все дело заключалось в интересах Великобритании, в успешном проведении принципа «разделяй и властвуй». А на моральные соображения можно было и наплевать. Плянично, но выгодно.

Все это, бесспорно, отпадает, говоря по-русски, свинством, но ведь политика, по буржуазным понятиям, — вообще «грязное дело», и ее нельзя делать в белых перчатках.

Однако в двадцатом веке эта старая традиция Англии утратила и свою единственную «положительную» черту — интерес, выгоду. Именно та измена союзнику, о которой столь откровенно беседовал Ллойд-Джордж и Клемансо, принесла самой Англии большие несчастья. Великобритания подложила порочную свинью своему «сердечному союзнику» Франции, содействуя вступлению в Союзниками Штатами постепенному перевооружению Германии, восстановлению ее военно-промышленного потенциала, а затем и агрессии Гитлера. Но результат получился неожиданный: от этих измен пострадала прежде всего сама Англия. Она заплатила за свое предательство дорогой ценой разрушенных городов, позором Дюнкера, тысячами жизней, утратой многих и многих позиций на всех континентах.

Но извлекли ли из этого урок британские правящие круги? На днях все могли убедиться в этом. Оказывается, что в самом конце второй мировой войны, доставившей столько бед Англии, со стороны английского правительства и английского командования был совершен акт измены по отношению к боевому союзнику — СССР. И теперь всем уже ясно, что это не было случайным, автоматическим «движением души» деятеля, по традиции привыкшего изменять своим союзникам, а это было только началом последовательной последовательной политики линии английских правящих кругов, нашедшей свое предельное выражение в лондонском и парижских соглашениях 1954 года.

Восстановление и вооружение германского милитаризма, провозглаемое ныне Великобританией в сообществе с Соединенными Штатами Америки, это — предательство по отношению к Франции и Советскому Союзу, Италии, Бельгии и всем другим странам Европы. Это — продолжение традиционной свиньины. Но это, вместе с тем, измена самой Англии, ее нынешним и будущим интересам, ее безопасности.

Свинью подложили народу Англии. И это полностью выяснилось уже сейчас. Новая британская измена уже оттолкнула от нее многих и многих друзей и возможных союзников. Она набросила мрачную тень на всю политику Англии, на ее намерения.

Швейцарская газета «La Suisse» пишет, что саморазоблачение британского премьера могут только вызвать недоверие к политике Англии. Пакистанская «Дон» замечает: «Шиничное разоблачение в Вудфорде не может быть расценено иначе, как скверная услуга делу мира». «Черчилль больше всего похож на карточного игрока, которого поймали с записной книжкой в кармане», — так оценивает это дело шведская «Эребру-курьерен».

«У Антонио Идена, — проанализирует бельгийский журнал «Эроп магазин», — будет отныне прекрасный вид, когда он будет говорить русским о добрых намерениях правительства ее величества». Англичане, без различия политических направлений, поучивали себя не только свиньей, но оказывается, подложили им. Английская политика предстала в неприглядном виде. Некоторые из них, разумеется, могут утешать себя старой, много раз выучившей неспокойную совесть поговоркой — стыд глаза не выест.

Так-то так, но беза ведь состоит в том, что политика, нечаянно разоблаченная в Вудфорде, грозит не только глазам англичан. Она чревата самыми тяжелыми для Англии последствиями.

Кирилл ДЕННИСОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор! Прочту Вас разрешить мне через «Литературную газету» выразить мою сердечную благодарность всем организациям, учреждениям, всем друзьям — литераторам и читателям, поздравившим меня с пятидесятилетием со дня рождения и тридцатилетием литературно-общественной деятельности.

Сергей КОУЛАЧКОВ-ЭЛЛЯ

В дни работы Второго всесоюзного съезда советских писателей «Литературная газета» выходит ежедневно.